Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Т.В. Барсов

О преподавании церковного права в наших университетах

Опубликовано:
Христианское чтение. 1876. № 5-6. С. 730-754.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

О преподаваніи церковнаго права въ нашихъ университетахъ

(Статья вторая и послѣдняя [1]).

Церковное право, по существу и характеру его изслѣдованій, признается наукою или богословскою или юридическою. О несомнѣнно богословскомъ характерѣ разсматриваемой науки прежде всего свидѣтельствуетъ самое ея наименованіе: „Церковное право“ т. е. наука, содержащая законы, постановленія и правила, коими опредѣляются устройство, управленіе и порядки жизни церкви, какъ особаго въ мірѣ богоучрежденнаго общества. Богословскій характеръ науки Церковнаго права, независимо отъ ея наименованія, исторически доказывается тѣмъ, что означенная наука, прежде чѣмъ получила свое настоящее наименованіе, уже существовала въ кругу богословскихъ наукъ, хотя подъ другимъ именемъ, но такимъ, которое указывало на богословскій ея характеръ. Такъ въ средніе вѣка Церковное право, составляя отрасль богословскаго образованія и часть всей богословской науки того времени, называлось: богословіемъ *практическимъ*—(Theologia practica), богословіемъ *правительственнымъ* — (Theologia rectrix), богословіемъ *внѣшнимъ* — (Theologia externa) въ отличіе отъ богословія внутренняго—(Theologia interna), подъ которымъ разумѣлось: догматическое и нравственное богословіе. Утвердившіяся впослѣдствіи спеціально за этою наукою новыя названія: *Каноническое право* (Jus canonicum), Церковное право—

[1]) Первая статья въ предъидущей книжкѣ Хр. Чт. стр. 529—540.

(Jus ecclesiasticum, Kirchenrecht, Droit ecclesiastique) опредѣлили еще яснѣе и точнѣе ея содержаніе. Означенныя наименованія разъяснили, что наука Церковнаго права занимается изслѣдованіемъ предметовъ видимаго устройства и управленія церкви. Всего же болѣе о богословскомъ характерѣ науки Церковнаго права говоритъ ея предметъ, которымъ она неразрывно связывается съ богословіемъ вообще и богословскими науками въ особенности. Извѣстно, что такимъ предметомъ для богословскихъ наукъ служитъ Христова церковь, разсматриваемая съ разныхъ сторонъ ея существа и принадлежностей. Такъ наука о св. Писаніи изслѣдуетъ источники вѣры Христовой церкви и ихъ историческую достовѣрность. Богословіе догматическое раскрываетъ и уясняетъ догматы вѣры, которые, связывая членовъ православной церкви въ одно религіозное общество, отличаютъ это общество отъ другихъ также религіозныхъ обществъ, изслѣдуетъ догматическія, такъ сказать, принципіальныя начала видимаго устройства и управленія церкви. Богословіе нравственное раскрываетъ начала добродѣтели и показываетъ, какъ жизнь и дѣятельность различныхъ по ихъ внѣшнему и внутреннему положенію членовъ Христовой церкви могутъ направляться къ цѣлямъ послѣдней и служить къ дѣйствительному осуществленію на землѣ царствія Божія. Богословіе сравнительное, принимая въ соображеніе данныя двухъ послѣднихъ наукъ, раскрываетъ вѣроисповѣдныя особенности православной Христовой церкви и показываетъ ихъ историческую и догматическую истинность сравнительно съ вѣрованіями произвольно отдѣлившихся отъ нея инославныхъ обществъ. Богословіе обрядовое (иначе литургика) занимается описаніемъ священнодѣйствій, чинопослѣдованій и богослужебныхъ обрядовъ и при этомъ изслѣдуетъ начала богопочтенія церкви, какъ религіознаго общества. Церковная исторія изображаетъ жизнь Христовой церкви съ относящимися къ ней и характеризующими ее внутренними и внѣшними явленіями. Въ дополненіе къ содержанію поименованныхъ наукъ, или рядомъ съ ними Церковное право, какъ наука, описываетъ устройство и управленіе церкви, порядки ея жизни и нормы существованія. Эта

наука разсматриваетъ туже церковь, какъ и прочія богословскія науки, но только во внѣшнемъ, такъ сказать, официальномъ ея строѣ, раскрываетъ права церкви, какъ особаго установленія и общества, опредѣляетъ органы ея власти и управленія, указываетъ предметы ихъ завѣдыванія и т. п. Вслѣдствіе сего, будучи обращено своимъ содержаніемъ къ внѣшней сторонѣ церкви, какъ общаго предмета богословскихъ наукъ, Церковное право тѣмъ не менѣе находится въ неразрывной съ сими науками связи, такъ что оно своимъ содержаніемъ не только служитъ означеннымъ наукамъ въ надлежащемъ пониманіи и раскрытіи ими своихъ предметовъ, но и само въ свою очередь пользуется данными тѣхъ же наукъ для всесторонняго и правильнаго раскрытія своего содержанія. Въ первомъ отношеніи наука Церковнаго права, касаясь своимъ содержаніемъ спеціальныхъ предметовъ другихъ богословскихъ наукъ, помогаетъ имъ въ правильномъ разъясненіи названныхъ предметовъ тѣмъ, что объясняетъ внѣшнюю официальную сторону устройства и употребленія этихъ предметовъ. Напр. законы Церковнаго права содержатъ постановленія относительно охраненія и распространенія вѣры, но догматы послѣдней излагаются въ богословіи догматическомъ. Законы Церковнаго права содержатъ правила благочинія и дисциплины церковной, но руководственныя начала сего излагаются въ богословіи нравственномъ. Законы того же права содержатъ правила надлежащаго совершенія церковныхъ священнодѣйствій и правильнаго устройства всѣхъ принадлежностей вѣры и церкви, но извѣстно, что эти предметы обозрѣваетъ литургика. Знакомство съ требованіями законовъ православнаго Церковнаго права необходимо для правильной провѣрки и оцѣнки организаціи устройства и разныхъ сторонъ жизни инославныхъ обществъ, которыхъ касается богословіе обличительное; законы того же права помогаютъ къ правильному пониманію и оцѣнкѣ дѣйствительныхъ явленій изъ жизни церкви, изслѣдуемыхъ церковною исторіею. Словомъ помощь науки Церковнаго права для другихъ богословскихъ наукъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, а это и указываетъ на живую и неразрывную

связь первой съ послѣдними. Помогая другимъ, разсматриваемая наука Церковнаго права и сама пользуется ихъ изслѣдованіями для полнаго и всесторонняго раскрытія своего предмета. Чтобы не удлинять разсужденія, ограничимся краткимъ и общимъ замѣчаніемъ. Почти каждая богословская наука по существу своихъ свѣдѣній, касающихся той или другой стороны церкви, служитъ церковному праву своимъ матеріаломъ. А если такъ, если Церковное право по существу его предмета составляетъ науку богословскаго образованія и можетъ быть преподано удовлетворительно только при обстоятельномъ знакомствѣ съ богословскими науками; то въ богословскомъ характерѣ разсматриваемой науки не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Но, составляя несомнѣнно науку богословскую, Церковное право въ тоже время причисляется къ законовѣденію вообще и вводится въ курсъ университетскаго, юридическаго образованія. Причисленіе церковнаго права къ законовѣденію, или къ юридическимъ наукамъ, основывается вообще на томъ, что предметъ церковнаго права—Христова церковь—имѣетъ всѣ признаки и принадлежности внѣшняго юридическаго установленія. Церковь есть основанный на вѣрѣ и благодати видимый общественный союзъ, въ которомъ люди, пользуясь богопреданнымъ ученіемъ вѣры, благодатными средствами и взаимнымъ нравственнымъ содѣйствіемъ другъ другу, стремятся къ достиженію и достигаютъ опредѣленныхъ желательныхъ для нихъ религіозныхъ цѣлей. Видимость и общественность такимъ образомъ являются на столько необходимыми здѣсь признаками, что безъ нихъ не мыслимо дѣйствительное бытіе церкви и невозможно для человѣка пользованіе духовными ея благами. Далѣе церковь въ своемъ дѣйствительномъ существованіи имѣетъ всѣ другіе признаки и принадлежности внѣшняго юридическаго установленія. Такъ у церкви есть особая власть, которая, обладая общими съ каждою правительственною властію свойствами, служитъ упорядочивающимъ центромъ всѣхъ сторонъ и отношеній церковной жизни. Церковь имѣетъ опредѣленный внѣшній порядокъ, опредѣленную внѣшнюю дисциплину, которыя призна-

ются необходимыми для достиженія ею своихъ цѣлей и представляютъ своего рода аналогію съ подобными сторонами обыкновеннаго человѣческаго общества. Сверхъ сего члены церкви, какъ необходимыя части ея союза, поставлены въ извѣстныя отношенія какъ другъ къ другу, такъ и къ цѣлому союзу и эти отношенія опредѣляются положительными требованіями права и законодательства. Имѣя всѣ означенныя признаки внѣшняго союза, церковь въ тоже время входитъ въ соприкосновеніе съ другими такими же союзами, и становится къ нимъ въ извѣстныя отношенія. Словомъ церковь, какъ видимый общественный союзъ живетъ и развивается на общихъ со всѣми прочими общественными союзами основаніяхъ. Отсюда сама собою вытекаетъ необходимость права въ церкви, обезпечивающаго твердость ея внутренняго порядка и дисциплины, законность и правильность ея внѣшнихъ отношеній.

Какъ ни наглядны и ни убѣдительны приведенныя соображенія, тѣмъ не менѣе существо разсматриваемаго предмета побуждаетъ насъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. То справедливо, что церковь имѣетъ всѣ признаки внѣшняго видимаго установленія, назначеннаго для опредѣленныхъ ему одному свойственныхъ цѣлей; но совершенно вѣрно и то, что всѣ принадлежности внѣшняго видимаго существованія церкви утверждаются на своихъ особенныхъ, имъ однимъ свойственныхъ, основаніяхъ и отличаются своимъ исключительнымъ характеромъ, выдѣляющимъ церковь изъ ряда обыкновенныхъ общественныхъ союзовъ и сообщающимъ и ея праву особенное значеніе. Начнемъ съ того, что церковь никогда не можетъ быть подведена подъ обычныя условія развитія человѣческихъ обществъ и отожествлена съ послѣдними въ законахъ ея существованія. При всей несомнѣнной аналогіи своихъ отношеній съ принадлежностями другихъ обществъ, церковь отличается отъ нихъ не только цѣлями, но всѣмъ своимъ строемъ, налагающимъ особенный характеръ и на ея право. Такъ духовная власть церкви, иначе ея правительство, при обладаніи принадлежащими каждой правительственной власти свойствами, имѣетъ свои исключительно

ей принадлежащія особенности, которыя, отличая ее отъ всякой другой, дѣлаютъ въ своемъ родѣ властію единственною и недоступною не только для смѣшенія, но и для сравненія съ другою. Причина сего не въ случайныхъ какихъ либо аттрибутахъ, а въ самомъ существѣ, происхожденіи и назначеніи разсматриваемой власти, какъ власти благодатной, божественной, дѣйствующей на совѣсть и духовную жизнь лица. Какія особенности отличаютъ духовную власть церкви, служащую регулирующимъ центромъ ея внѣшнихъ порядковъ и отношеній, отъ всякой другой власти, тѣже самыя особенности окажутся присущими и всему внѣшнему церковному строю, при сравненіи послѣдняго съ устройствомъ общественнымъ. Отличительными чертами общественныхъ порядковъ обыкновенно служатъ: принудительность и матеріальность, между тѣмъ аттрибутами церковныхъ отношеній являются совершенно противоположныя свойства. Какъ сама церковь, по своей природѣ, есть нравственный союзъ, основанный для осуществленія высокихъ цѣлей указанныхъ человѣчеству христіанствомъ, такъ соотвѣтственно сему и всѣ внѣшнія нормы церковныхъ отношеній проникнуты тѣмъ же духовно-нравственнымъ характеромъ. Обязательная сторона, а равно и цѣль существованія этихъ порядковъ заключаются не въ нихъ самихъ и не въ томъ, что они утверждаются на извѣстныхъ законодательныхъ опредѣленіяхъ, а въ томъ, что внѣшній видимый строй церковной жизни оказывается совершенно необходимымъ и въ религіозномъ союзѣ, установленномъ для осуществленія цѣлей христіанства, и что отсутствіе подобнаго строя дѣлало бы неуловимыми и личное поведеніе отдѣльныхъ членовъ и общественную жизнь всей церкви. Эти порядки—если подпадаютъ регламентаціи закона—исключительно въ видахъ обезоруженія личнаго произвола по отношенію къ нимъ, а не съ цѣлію сдѣлать ихъ обязательными въ обыкновенномъ юридическомъ смыслѣ. Вотъ почему всякій, вступившій въ церковное общество, лишь своимъ вступленіемъ и принадлежностію къ нему, только нравственно обязывается соображаться съ его порядками и за это допускается къ участію въ благахъ

религіознаго союза, но при этомъ не налагаетъ на себя никакихъ путъ внѣшняго понудительнаго и принудительнаго закона. Несоблюденіе сего обязательства естественно подвергаетъ его послѣдствіямъ сопротивленія, но не инымъ какимъ либо, а тѣмъ, которыя заключаются именно въ постепенномъ, или окончательномъ лишеніи означенныхъ правъ и благъ, безъ вліянія на его политическую судьбу. Это обстоятельство съ ясностію показываетъ, что вся церковная дисциплина покоится не на юридическихъ началахъ и не на юридическомъ возмездіи за неисполненіе общецерковныхъ правилъ, а на духовно-нравственномъ свободномъ повиновеніи общественному строю. Вотъ почему и говорится, что церковное право и основанный на немъ внѣшній церковно-общественный порядокъ вовсе не имѣютъ тѣхъ свойствъ, которыя присущи строго юридическимъ нормамъ и отношеніямъ и что, посему, совершенно несправедливо втискивать церковное право, въ смыслѣ отдѣльной составной части, въ общую массу законовѣденія.

Сторонники разбираемаго нами взгляда, причисляя Церковное право къ законовѣденію, стараются указать этой наукѣ и надлежащее мѣсто въ ряду юридическихъ наукъ: одни подчиняютъ это право государственному, другіе гражданскому, какъ двумъ главнымъ отрослямъ всей обширной области законовѣденія. По существу нашей задачи мы не можетъ оставить безъ вниманія и этихъ предположеній.

Государственное право въ общемъ видѣ опредѣляетъ отношенія верховной власти къ подданнымъ. Съ точки зрѣнія такого общаго понятія трудно указать какое либо видимое соприкосновеніе права церковнаго съ государственнымъ. Но верховная власть, отношенія которой къ подданнымъ изслѣдуетъ государственное право, наблюдая въ порядкѣ осуществленія своихъ правъ за всѣмъ существующимъ и совершающимся въ государствѣ и въ средѣ его подданныхъ, печется о духовномъ образованіи послѣднихъ, признаетъ свободу ихъ вѣры, удовлетворяетъ потребностямъ и нуждамъ ихъ религіознаго состоянія, словомъ входитъ въ болѣе или менѣе тѣс-

ное соприкосновеніе съ дѣлами вѣры и церкви всѣхъ своихъ подданныхъ. Въ силу такого соприкосновенія верховной власти съ религіознымъ существованіемъ подданныхъ, законы права государственнаго замѣтно соприкасаются съ предметами — церковнаго. Для большей очевидности этого соприкосновенія полезно присовокупить, что всѣ внѣшнія установленія церкви получаютъ публичный характеръ и государственное значеніе вслѣдствіе признанія ихъ законами государства, исшедшими отъ верховной власти, что вообще правящая государствомъ власть многоразличными путями, но всегда дѣйствительно вліяетъ на положеніе церкви и кругъ ея вѣдомства, принимаетъ дѣятельное участіе въ развитіи самаго церковнаго законодательства изданіемъ своихъ законовъ, касающихся церкви. Подобная близость предметовъ права церковнаго къ праву государственному всетаки не представляетъ достаточныхъ основаній къ тому, чтобы первое, какъ совокупность церковныхъ нормъ и объясняющихъ оныя законоположеній, считать органически составною частію послѣдняго. Правда, римляне смотрѣли на jus sacrum, какъ на составную часть jus publicum и подчиняли первое послѣднему; но у римлянъ, какъ и у всѣхъ до-христіанскихъ народовъ, религіозная жизнь обыкновенно сливалась съ политическою, такъ что религіозная стихія или господствовала надъ всѣми другими элементами народной и политической жизни, напр. въ государствахъ древняго востока, или входила въ составъ политической и народной стихіи, напр. въ государствахъ классическихъ, гдѣ глава дома былъ вмѣстѣ и представителемъ домашняго культа, а глава государства являлся maximus pontifex всей народной религіи.

При извѣстномъ положеніи религіозной стихіи какъ въ античныхъ государствахъ, такъ и въ классическихъ Греціи и Римѣ существовали только религіи и культы, характеромъ своихъ вѣрованій и всею историческою судьбою генетически и неразрывно связанные съ характеромъ націи и ея исторіи; но не было церкви въ смыслѣ основаннаго на откровеніи, отдѣльнаго, самостоятельнаго, сло-

вомъ независимаго отъ какихъ бы то ни было національныхъ и территоріальныхъ условій, установленія. Вмѣстѣ съ симъ слѣдовательно въ названныхъ государствахъ не могло развиться и права, въ смыслѣ совокупности отдѣльныхъ порядковъ и законоположеній, характеризующихъ внѣшнюю жизнь и отношенія церкви; и римское jus sacrum никакъ нельзя отожествлять съ разсматриваемымъ нами jus ecclesiasticum. Не смотря на это, нѣкоторые каноницты и юристы, понимая церковь въ смыслѣ общественной корпораціи и основываясь на выше приведенныхъ соображеніяхъ, видятъ въ Церковномъ правѣ, подобно римскимъ юристамъ, только часть права публичнаго и подчиняютъ первое государственному. Подобное воззрѣніе, противорѣча неизгладимому различію между церковію и государствомъ, оказывается невѣрнымъ съ точки зрѣнія отличительныхъ свойствъ Церковнаго права и отношеній послѣдняго къ государственному. Что касается существующаго, неизгладимаго различія между церковію и государствомъ, для разъясненія сего довольно замѣтить, что въ то время какъ государство неразрывно связано съ извѣстною территоріею, и стремится къ единству населяющихъ оную національностей, церковь ни мало не связана съ территоріею въ томъ смыслѣ, что одна территорія можетъ заключать въ своихъ предѣлахъ нѣсколько церквей, наоборотъ и одна церковь можетъ охватывать собою нѣсколько государствъ. Далѣе государство и церковь, существуя на одной и той же территоріи, въ одномъ и томъ же человѣческомъ обществѣ преслѣдуютъ различныя цѣли, различными средствами, дѣйствуя въ различныхъ сферахъ. Ближайшая цѣль государства заключается въ содѣйствіи общественному и частному благосостоянію своихъ гражданъ, въ огражденіи и охраненіи ихъ правъ, въ покровительствѣ существующимъ и развивающимся въ немъ корпораціямъ и обществамъ. Высшая и существенная цѣль церкви состоитъ въ воспитаніи человѣка, согласно съ волею божественною, открытою въ христіанствѣ; въ облагороженіи его сердца и всѣхъ духовно-нравственныхъ стремленій, чтобы приготовить его къ вѣчному благосостоянію. Средствами, которыми обладаетъ госу-

дарство для достиженія означенной цѣли, служатъ: принудительная власть и внѣшній законъ, къ исполненію котораго въ случаяхъ сопротивленія принуждаетъ матеріальная сила; средства церкви заключаются въ духовно-нравственномъ вразумленіи и руководствѣ; при чомъ если и употребляются внѣшнія мѣры, то они обыкновенно бываютъ проникнуты и запечатлѣны духовно-нравственнымъ характеромъ, исключающимъ всякое матеріальное участіе и принужденіе. Сферою дѣйствій государства является внѣшняя общественная жизнь подданныхъ, сферою же дѣйствій церкви служитъ внутренній міръ человѣка, его образъ мыслей и совѣсть. Вслѣдствіе такого неизгладимаго различія между церковію и государствомъ, и говорится, что они существуютъ рядомъ и другъ подлѣ друга, какъ двѣ особыя формы, въ которыя укладываются естественныя и нравственныя требованія и стремленія природы человѣческой, такъ что государство не можетъ замѣнить собою для человѣка церкви и взять на себя осуществленіе цѣлей послѣдней, наоборотъ и церковь не можетъ замѣнить для человѣка государства. Въ виду такого различія и самостоятельности разсматриваемыхъ институтовъ, казалось бы, не возможно и говорить о смѣшеніи или подчиненіи права одного другому. Тѣмъ не менѣе, какъ есть религіозныя доктрины, напр. ультрамонтанская, которыя, подчиняя государство церкви смотрятъ на власть и права перваго, какъ на подчиненныя власти и правамъ церкви, такъ въ свою очередь есть юридическія теоріи, которыя, смотря на государство какъ на выраженіе высшаго единства всѣхъ многоразличныхъ проявленій жизни, не допускаютъ возможности существованія внутри государства какихъ либо обществъ, пользующихся равноправною съ нимъ автономіею. При разсмотрѣніи этихъ теорій, по существу нашего предмета мы должны ограничиться лишь выясненіямъ положенія церкви и ея права, не касаясь отношеній государства къ другимъ, существующимъ въ немъ общественнымъ союзамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ власть, управляющая церковію не есть произведеніе верховной власти государства и составляетъ богодарованное преимущество самого Главы и основателя церкви, такъ соот-

вѣтственно сему и основные законы Церковнаго права, коими управляется церковь, не составляютъ дара государственной власти, а представляютъ заповѣди и предначертанія самого Христа Спасителя. Все вліяніе государственной власти и ея законовъ, на поименованные предметы по самому существу послѣднихъ, можетъ быть и дѣйствительно бываетъ только внѣшнее, не касающееся ихъ сущности, т. е. государственная власть и ея законы могутъ или ограничивать или разширять видимое обнаруженіе церковной власти, смотря по характеру отношеній государства къ церкви, могутъ сообщать или не сообщать законамъ церкви внѣшнюю юридически обязательную ненарушимость со стороны членовъ и дѣятелей государства. Чтобы фактически убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бросить хотя общій взглядъ на дѣйствительное направленіе законовъ византійскаго и русскаго законодательства, касающихся церкви. Въ томъ и другомъ законодательствѣ составъ управленія, вѣдомство и судъ церкви прямо отдѣляются отъ подобныхъ предметовъ государства, такъ что законы послѣдняго своими требованіями совершенно не касаются внутреннихъ сторонъ существованія церкви, а разсуждаютъ только о тѣхъ, въ которыхъ церковь соприкасается съ отношеніями государства и для которыхъ доступно вліяніе законовъ послѣдняго. Византійское и русское законодательство въ своихъ постановленіяхъ, касающихся церкви, обыкновенно сообразаются или съ правилами церкви, если таковыя имѣются относительно узаконяемыхъ предметовъ, или съ установленными церковію же понятіями о поименованныхъ предметахъ. Вслѣдствіе сего мы и наблюдаемъ то явленіе, что съ одной стороны законы византійскихъ государей относительно церкви по большей части воспроизводятъ и повторяютъ смыслъ и требованія именно церковныхъ правилъ, практики и воззрѣній, съ другой — законы нашего государства по большей части или дополняютъ своими законоположеніями постановленія церкви, или только обезпечиваютъ и охраняютъ внѣшнее дѣйствіе послѣднихъ. А если такъ, если и византійское и русское законодательство въ дѣйствительности такимъ образомъ относятся къ церковнымъ предметамъ и свои постановленія

о нихъ излагаютъ въ указанномъ направленіи, то совершенно произвольно собственно Церковное право втискивать въ составъ права государственнаго.

Еще менѣе основаній представляетъ стремленіе приравнять Церковное право къ другой отрасли законовѣденія, т. е. къ праву гражданскому. Гражданское право есть совокупность законовъ, опредѣляющихъ права и отношенія частныхъ лицъ въ гражданскомъ, семейственномъ и имущественномъ состояніяхъ. Основаніемъ этихъ правъ и мѣриломъ названныхъ отношеній обыкновенно является личная воля человѣка, какъ главнаго субъекта гражданскаго права. Подобныхъ объясненій о существѣ и особенностяхъ гражданскаго права достаточно къ тому, чтобы видѣть всю неосновательность приравненія права церковнаго гражданскому. Начальная исторія происхожденія церкви показываетъ, что она явилась, какъ божественное учрежденіе со всѣми необходимыми принадлежностями духовно-нравственнаго союза, въ который вступали вѣрующіе на основаніи добровольнаго признанія неотразимой истины его ученія, далѣе — послѣдующее ея существованіе удостовѣряетъ, что всѣ внѣшнія стороны церковной жизни, возникая подъ вліяніемъ историческихъ условій существованія церкви, обыкновенно устанавливались и опредѣлялись подлежащею властію, независимо отъ частныхъ и личныхъ интересовъ тѣхъ или другихъ членовъ церковнаго союза, но при непосредственномъ соображеніи потребностей и цѣлей церковнаго общества. Вслѣдствіе сего и попытки о приравненіи права церковнаго гражданскому должны быть признаны неправильными.

Стоя за совершенное отличіе права церковнаго отъ права государственнаго и гражданскаго, по силѣ принципіальныхъ особенностей, перваго, и присвоя ему самостоятельное значеніе по самому предмету его изслѣдованій, мы не можемъ, въ видахъ исторической правды, отрицать неизбѣжнаго присутствія въ Церковномъ правѣ общеюридическихъ элементовъ, сближающихъ науку права церковнаго съ отраслями юридическаго образованія. Основаніемъ сего служитъ не только то, что предметомъ всей совокупности права

является одинъ и тотъ же человѣкъ, разсматриваемый въ разнообразныхъ потребностяхъ его природы и различныхъ направленіяхъ его дѣйствительной жизни, но главнымъ образомъ то, что церковь въ своемъ внѣшнемъ историческомъ существованіи входитъ въ ближайшую связь съ человѣческимъ обществомъ, являясь не только существующею въ государствѣ, но и подчиненною съ разныхъ сторонъ государственному и гражданскому законодательству. Вслѣдствіе означенной связи общество гражданское многими сторонами своего общежитія вліяетъ на формы и отношенія жизни церковной. Особенно сильное вліяніе оказываетъ строй государственный на внѣшнюю организацію управленія церкви, такъ что въ этомъ отношеніи безошибочно будетъ сказать, что церковь въ устройствѣ своего управленія, а еще болѣе суда, обыкновенно соображается съ требованіями и порядками государственныхъ отношеній этого рода. Сверхъ сего, обладая собственностію и распоряжаясь всѣми внѣшними сторонами своей жизни подъ охраною свѣтской власти, церковь очевидно всѣмъ этимъ соприкасается съ областію права какъ гражданскаго, такъ и государственнаго. Означенныя замѣчанія одинаково приложимы какъ въ древне-вселенской, такъ и къ русской церкви, съ тѣмъ различіемъ, что древне-вселенская церковь первые начатки своего развитія получила подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ законовъ и установленій греко-римскаго права, между тѣмъ какъ русская и другія православныя церкви—подъ ближайшимъ вліяніемъ мѣстнаго законодательства. На этомъ основаніи греко-римское право признается необходимымъ пособіемъ при изученіи права древне-вселенской церкви, право русское въ свою очередь—при изученіи законодательства отечественной церкви, права другихъ государствъ—при изученіи права другихъ, существующихъ въ нихъ православныхъ церквей. Подобное обстоятельство, сближая, какъ мы сказали, науку Церковнаго права съ науками юридическими, отнюдь не отрываетъ первой отъ ея роднаго, т. е. общаго корня съ науками богословскими, но только вноситъ въ нее юридическій элементъ и дѣлаетъ ее съ извѣстныхъ сторонъ доступною для пріемовъ юридическаго изложенія.

Извѣстно, что преподаваніе всякой науки, а слѣдовательно и Церковнаго права на самостоятельной и отдѣльной каѳедрѣ можетъ имѣть различные объемы и виды изложенія, смотря съ одной стороны по тому, какъ понимаетъ преподаватель свою науку, съ другой — по тому, рѣшеніе какой задачи въ своемъ преподаваніи тотъ же преподаватель признаетъ единственно для него умѣстнымъ и раціональнымъ. При всемъ томъ, не подлежитъ сомнѣнію, что предпочтеніе одного всѣмъ другимъ объемамъ и видамъ преподаванія, много завися отъ усмотрѣнія преподавателя, по возможности должно быть соображено съ свойствами каѳедры, съ цѣлями и потребностями слушателей, даже съ степенью пріемлемости послѣднихъ. Вслѣдствіе сего едва ли есть надобность объяснять, что одна и таже наука, будучи введена въ курсъ различныхъ по цѣли и назначенію учебно-образовательныхъ заведеній, должна имѣть различные объемы и даже свойства преподаванія, примѣнительно какъ къ общей спеціальной цѣли каждаго изъ поименованныхъ заведеній, такъ и къ потребностямъ слушателей и ихъ пріемлемости. Имѣя въ виду науку Церковнаго права необходимо допустить, что преподаваніе этой науки въ нашихъ духовныхъ академіяхъ должно быть отлично и по существу и по характеру отъ преподаванія той же науки въ нашихъ университетахъ и въ частности отъ преподаванія въ юридическомъ факультетѣ послѣднихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если юридическіе факультеты нашихъ университетовъ общимъ своимъ назначеніемъ имѣютъ то, чтобы приготовлять такихъ знатоковъ права, которые, являясь достойными кандидатами чиновничьей карьеры на всѣхъ поприщахъ государственной службы, въ тоже время представляли бы собою надежный контингентъ для поддержанія и распространенія въ обществѣ правильныхъ понятій о всѣхъ предметахъ юридической сферы, если говоримъ, въ этомъ заключается назначеніе юридическихъ факультетовъ нашихъ университетовъ, то понятно, что съ этимъ назначеніемъ, какъ съ общею одушевляющею весь факультетъ идеею, должно быть согласовано и преподаваніе каждой въ факультетѣ отдѣльной науки, а слѣдова-

тельно и — Церковнаго права. Позволяемъ себѣ присовокупить, что преподаваніе послѣдней науки по преимуществу требуетъ означеннаго согласованія какъ потому, что Церковное право по предмету его изслѣдованій есть совершенно особая и исключительная наука въ ряду факультетскихъ, такъ и потому, что преподаваніе этой науки, какъ особой и исключительной, можетъ быть только вспомогательнымъ, служебнымъ сравнительно съ другими родственными факультету науками. Скажемъ болѣе, преподаваніе Церковнаго права, при настоящей его постановкѣ въ юридическихъ факультетахъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить цѣлію для себя, т. е. приготовлять дѣйствительныхъ, всесторонніхъ знатоковъ или спеціалистовъ Церковнаго права, по причинѣ отсутствія необходимыхъ для сего условій, заключающихся въ вспомогательныхъ свѣдѣніяхъ другихъ богословскихъ наукъ, коихъ не читается въ юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ. Равнымъ образомъ тоже преподаваніе не можетъ и совершаться съ мыслію: „искусство для искусства“, по причинѣ ясно и категорически предъявляемой къ преподавателю задачи факультетскимъ значеніемъ разсматриваемой науки, т. е. означенное преподаваніе должно носить на себѣ всѣ признаки факультетски-юридическаго, служащаго къ уразумѣнію юридическаго положенія церкви въ государствѣ и ея установленій въ ряду установленій послѣдняго. Какое же преподаваніе разсматриваемой науки можетъ быть признано факультетски-юридическимъ, т. е. удовлетворяющимъ цѣлямъ и потребностямъ университетскихъ слушателей юридическихъ факультетовъ?

Выше мы говорили и видѣли, что преподаваніе Церковнаго права въ настоящее время въ нашихъ университетахъ идетъ неодинаково по разнымъ программамъ. Въ московскомъ университетѣ покойный профессоръ Н. К. Соколовъ понималъ и читалъ Церковное право въ смыслѣ обширной системы, которая, кромѣ подготовительнаго изученія догматическаго, каноническаго и историческаго матеріала чрезъ знакомство съ внѣшнею и внутреннею исторіею источниковъ, или памятниковъ церковнаго права, должна содержать

съ одной стороны стройное изложеніе основныхъ законовъ церковнаго устройства, управленія и жизни, съ другой — изложеніе дѣйствующаго права частныхъ церквей во всемъ ихъ разнообразіи въ связи съ догматическими принципами каждой, но съ отведеніемъ главнаго мѣста русскому Церковному праву. Въ новороссійскомъ университетѣ въ свою очередь Церковное право понижалось и читалось скорѣе въ видѣ учебнаго руководства, чѣмъ полной системы, съ обращеніемъ вниманія на дѣйствующее право и притомъ православной русской церкви и другихъ признанныхъ въ нашей имперіи христіанскихъ вѣроисповѣданій. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ, какъ могутъ удостовѣрять въ этомъ имѣющіяся у насъ подъ руками: печатная программа чтеній по Церковному праву и литографированныя лекціи по тому же предмету, разсматриваемая наука понимается и читается какъ не въ видѣ лекцій по Церковному праву, читанныхъ въ московскомъ университетѣ профессоромъ Соколовымъ, такъ и не въ видѣ системы дѣйствующаго церковнаго права по программѣ, одобренной юридическимъ факультетомъ новороссійскаго университета, а по особому отличному отъ того и другаго преподаванія плану. Едва ли нужно распространяться о томъ, что ни тотъ, ни другой, ни третій видъ преподаванія не совпадаетъ съ цѣлями и потребностями университетскаго. Преподаваніе по плану „изъ лекцій по Церковному праву“ не можетъ быть признано нормальнымъ на университетской каѳедрѣ юридическаго факультета прежде всего потому, что означенное преподаваніе понимаетъ и ставитъ науку въ такомъ широкомъ объемѣ, что въ немъ представляется много лишняго и неоправдываемаго задачами юридическаго, университетскаго образованія. Напр. едва ли нужно и умѣстно въ университетскомъ преподаваніи разсматриваемой науки, при настоящей ея постановкѣ, съ одной стороны разсужденіе объ основныхъ законахъ церковнаго устройства, управленія и жизни, съ другой—сравнительное изложеніе особенностей права разныхъ христіанскихъ церквей, особенностей, проистекающихъ изъ различія догматическихъ, вѣроисповѣдныхъ принциповъ этихъ церквей. Первое разсужденіе,

показывая, что основаніями Церковнаго права служатъ совершенно другіе принципы, отличные отъ основаній права вообще, не только уединяетъ изученіе преподаваемой науки, но и нарушаетъ предполагаемую гармоническую ея связь со всѣми прочими факультетскими науками. Сравнительное изложеніе особенностей права разныхъ христіанскихъ церквей, на основаніи ихъ догматическихъ вѣроисповѣдныхъ принциповъ, является совсѣмъ неумѣстнымъ съ точки зрѣнія задачъ юридическаго образованія и потому излишнимъ. Далѣе преподаваніе по плану „изъ лекцій по Церковному праву“ понимаетъ и ставитъ науку на такихъ глубокихъ и разносторонніхъ воззрѣніяхъ, что многое изъ этихъ воззрѣній можетъ быть непонятнымъ и невразумительнымъ на университетской каѳедрѣ. Напр. внутренняя конструкція церковнаго устройства, управленія и жизни, основывающаяся на догматическихъ принципахъ и догматическомъ ученіи о церкви, существенныя разности въ томъ же устройствѣ, управленіи и жизни, проистекающія изъ вѣроисповѣдныхъ особенностей разныхъ христіанскихъ церквей, анализъ этихъ разностей, провѣрка ихъ съ подлинными основаніями права и вообще оцѣнка каждаго церковнаго института по его основной идеѣ, практической цѣлесообразности, соотвѣтствію, или несоотвѣтствію съ внутренними свойствами и цѣлями церкви, съ основными нормами ея жизни: все это—такіе предметы, которые для своего пониманія требуютъ извѣстной степени пріемлемости, извѣстнаго уровня именно богословскихъ понятій, да едва ли и нужны на юридической университетской каѳедрѣ. По крайней мѣрѣ чтеніе Церковнаго права въ видѣ „лекцій по церковному праву“, должно быть признано малополезнымъ и не достигающимъ цѣли, даже въ виду того обстоятельства, что означенное право на юридическомъ факультетѣ слушается людьми, поступившими на означенный факультетъ изучать не богословскія соображенія и теоріи, а юридическую науку относительно церкви и ея положенія въ государствѣ.

Также мало—согласно съ цѣлями университетскаго преподаванія и чтеніе только дѣйствующаго Церковнаго права. Подоб-

ное чтеніе, предполагая въ слушателяхъ только кандидатовъ чиновничьей карьеры, пренебрегаетъ ученымъ изложеніемъ предмета. Впрочемъ и съ точки зрѣнія приготовленія къ чиновничеству означенное чтеніе не можетъ быть названо удовлетворительнымъ по причинѣ предпочтительнаго вниманія къ богословской, а не къ юридической сторонѣ науки. Въ подтвержденіе сего довольно взглянуть на общую конструкцію программы, которая посвящена главнымъ образомъ внутреннему церковному устройству и управленію и только касается предметовъ, въ которыхъ Церковное право сближается съ науками юридическими. По этой программѣ скорѣе можно читать богослову-слушателю академіи, а не юристу-студенту юридическаго факультета, притомъ и первому только въ томъ случаѣ, если имѣется въ виду сообщить правила дѣйствующаго церковнаго права отечественной церкви не входя въ его историческое развитіе. Преподаваніе Церковнаго права въ здѣшнемъ университетѣ, какъ мы сказали, отличается отъ преподаванія того же предмета и въ московскомъ и въ новороссійскомъ университетахъ; но тоже преподаваніе не можетъ быть признано удовлетворяющимъ университетскимъ требованіямъ. Причины сего въ томъ, что разсматриваемое преподаваніе, совершаясь подъ видимымъ давленіемъ богословской тенденціи, только затрогиваетъ многіе предметы, не выясняя ихъ надлежащимъ образомъ, такъ что подобное преподаваніе не можетъ быть признано достаточнымъ и на другой каѳедрѣ.

Высказывая наши замѣчанія о представляющихся намъ недостаткахъ въ университетскомъ преподаваніи Церковнаго права, мы дѣлаемъ это безъ всякой мысли объ упрекѣ кому либо изъ университетскихъ дѣятелей на семъ поприщѣ, а единственно съ цѣлію наглядѣе представить основательность желанія нѣкоторыхъ въ семъ случаѣ измѣненій и вмѣстѣ лучше выяснить тѣ задачи, къ которымъ должно стремиться, и тѣ свойства, которыми должно отличаться университетское преподаваніе Церковнаго права. Университетскій уставъ 1863 г., отчисляя преподаваніе Церковнаго законовѣденія отъ каѳедры богословія и учреждая для перваго самостоя-

тельную кеѳедру притомъ въ юридическомъ факультетѣ, очевидно смотрѣлъ на эту науку какъ на составную часть всего законовѣденія и желалъ видѣть въ самомъ преподаваніи этой науки служеніе юридическимъ, а никакъ не богословскимъ цѣлямъ. Другой тенденціи не могъ имѣть въ виду университетскій уставъ, производя такую перемѣну въ постановкѣ богословской по содержанію науки; другихъ цѣлей невозможно и подразумѣвать въ настоящемъ случаѣ, по той причинѣ, что оторванная отъ родной богословской почвы и втиснутая въ получуждую ей среду юриспруденціи, наука Церковнаго права только и можетъ не зачахнуть и приносить желаемые и ожидаемые отъ нея плоды въ томъ случаѣ, если она не останется, какъ говорится, въ одиночествѣ, а примкнетъ къ хору получуждыхъ ей юридическихъ наукъ. Подобное сближеніе со стороны науки не только не можетъ быть поставлено ей въ укоръ, напротивъ послужитъ лучшимъ доказательствомъ ея желанія не остаться чужеяднымъ наростомъ на многовѣтвенномъ древѣ. Только при подобномъ сближеніи наука и сама станетъ твердо на новой для нея почвѣ и добываемые ея результаты будутъ дѣйствительнымъ съ ея стороны вкладомъ въ общую сокровищницу законовѣденія. Стремленіе науки обособиться и удержать свою прежнюю конструкцію отозвалось бы самыми печальными послѣдствіями прежде всего для нея самой, потомъ и для того дѣла, которому она призвана служить. Какъ бы ни напрягались усилія науки къ тому, чтобы представить свой предметъ во всемъ истинномъ величіи его идеи и широкомъ разнообразіи дѣйствительнаго развитія, во всякомъ случаѣ результатъ будетъ невыгодный для нея: она или падетъ подъ тяжестію своей задачи, не выполнивъ ее и на половину, или ея стремленія останутся непонятными и не привлекутъ къ себѣ должнаго вниманія. Равнымъ образомъ не лучшую участь наслѣдуетъ наука и въ томъ случаѣ, если она, сознавая безполезнымъ и безцѣльнымъ дѣлиться всѣмъ богатствомъ своего разнообразнаго содержанія, ограничится изложеніемъ только нѣкоторыхъ сторонъ предмета, не измѣняя духа и характера своихъ разсужденій. Въ такомъ случаѣ наука и сама

рискуетъ измельчаться и другимъ сообщить невыгодное о себѣ понятіе. Словомъ вступивъ въ новое сообщество съ юридическими науками, наука Церковнаго права должна отказаться отъ стараго содружества съ науками богословскими и усвоить себѣ духъ, характеръ и манеру новаго сообщества, чтобы чувствовать себя дома, не стѣсняться своимъ одиночествомъ и не тяготиться своимъ новымъ положеніемъ.

Но какъ достигнуть сего съ честію и достоинствомъ, не измѣняя притомъ своему спеціальному значенію въ новомъ положеніи? Необходимо совершенно оставить богословскую область вопросовъ Церковнаго права и сосредоточить свое вниманіе исключительно на предметахъ юридической сферы, т. е. на тѣхъ, въ которыхъ какъ церковь видимо соприкасается съ государствомъ, такъ и ея право замѣтно сближается съ законовѣденіемъ. Необходимость исключительнаго занятія именно этими предметами оправдывается не только тѣмъ, что при такомъ направленіи своихъ изслѣдованій Церковное право не будетъ чуждымъ и безполезнымъ въ общемъ составѣ законовѣденія, но и тѣмъ, что оно получитъ спеціальную цѣль — знакомить слушателей съ тою областію юридическихъ вопросовъ, которые возникаютъ изъ взаимоотношеній государства и церкви и спеціально не входятъ ни въ одну изъ отраслей законовѣденія. Ближайшею цѣлью послѣдовательнаго разрѣшенія всѣхъ подобныхъ вопросовъ будетъ съ одной стороны постепенное выясненіе юридическаго положенія церкви въ государствѣ и ея установленій въ государственной сферѣ, съ другой — правъ государства и органовъ его власти относительно церкви и ея вѣдомства, т. е. разрѣшеніе совершенно особой въ юриспруденціи задачи, которая въ теоретическомъ и практическомъ смыслѣ безспорно важна для юриста, готовящагося вступить на поприще государственной дѣятельности. Приглашая Церковное право къ рѣшенію означенной задачи на университетской каѳедрѣ въ юридическомъ факультетѣ, мы тѣмъ самымъ видимо измѣняемъ нынѣшнюю постановку этой науки въ университетахъ и даемъ ей совершенно новую и по существу и

характеру изслѣдованій и изложенія. Вмѣсто догматико-каноническихъ разсужденій объ устройствѣ церкви, составѣ ея общества, управленіи церкви, дѣятельности ея власти и предметахъ завѣдыванія послѣдней въ чисто церковной сферѣ, каковые предметы входятъ въ область изслѣдованій Церковнаго права при нынѣшней его постановкѣ, наука сего предмета должна будетъ говорить о церкви въ ея отношеніяхъ къ государству, о правахъ и преимуществахъ церковной власти по государственному законодательству, о кругѣ ея дѣйствій въ государственной или гражданской средѣ, объ отношеніяхъ государства къ церкви и участіи его власти въ дѣлахъ церковныхъ, объ органахъ государственной власти, принимавшихъ и принимающихъ участіе въ положеніи и дѣлахъ церкви, словомъ вмѣсто предметовъ, относящихся къ внутреннему субъективному праву и характеризующихъ богословскую конструкцію науки, послѣдняя станетъ говорить о предметахъ права внѣшняго объективнаго, объясняющихъ входящій въ ея составъ юридическій элементъ.

Чтобы нагляднѣе показать, чѣмъ именно по нашему мнѣнію должно заниматься и въ какомъ направленіи должно излагаться Церковное право, какъ университетская наука юридическаго факультета, для сего мы позволимъ себѣ представить примѣрную схему долженствующихъ подлежать ея разсмотрѣнію общихъ предметовъ. Въ ряду этихъ предметовъ безспорно первое мѣсто долженъ занять вопросъ о вліяніи византійскаго на церковно-гражданское русское законодательство, ибо извѣстно, что первыя нормы положенія церкви въ Россіи установились подъ вліяніемъ византійскаго законодательства, которое и послѣ долго спустя при посредствѣ Номоканона и Кормчей управляло русскимъ законодательствомъ не только относительно церковно-гражданскихъ, но и строго государственныхъ сторонъ. За разъясненіемъ этого вліянія, и послѣ указанія тѣхъ мѣстныхъ стихій, которыя принимали участіе въ опредѣленіи первыхъ шаговъ нашего русскаго церковно-гражданскаго законодательства, какъ оно выразилось въ уставахъ первыхъ русскихъ христіанскихъ князей, наука съ вниманіемъ должна остановиться и съ обстоятельностію

выяснить то юридическое положеніе, которое церковь, какъ представительница духовно-нравственныхъ интересовъ, заняла въ странѣ и въ государствѣ на первыхъ порахъ своего существованія и дѣятельности, въ какое отношеніе она стала къ государству и государство къ ней. Разъясненіе этихъ отношеній и вообще принципъ церковно-общественныхъ, церковно-политическихъ стремленій государства и церкви долженъ составить главную тему, какъ говорится руководящую идею послѣдующихъ чтеній. Съ одной стороны въ этихъ чтеніяхъ должно быть разъяснено: какое вліяніе оказала церковь на развитіе у насъ государственнаго начала, какому воздѣйствію сама она подверглась отъ общественной и государственной среды, какія специфическія церковно-общественныя, церковно-политическія начала проникли въ устройство и организацію управленія и суда церковнаго, въ положеніе и права служащаго сословія церкви, словомъ должна быть нарисована полная и рельефная картина внѣшне-юридическаго положенія церкви и послѣдовательная смѣна однихъ установленій другими, прежнихъ преимуществъ новыми подъ возбудительнымъ и формирующимъ вліяніемъ общественной и государственной, народной и политической стихіи. Съ другой—должно быть представлено: какого взгляда или принципа держалось государство относительно церкви, какое вліяніе власть перваго имѣла на вѣдомство и отношенія послѣдней, какія государственныя установленія принимали ближайшее, можно сказать, непосредственное участіе въ дѣлахъ церкви, какія принимались законодательныя мѣры къ устройству современнаго состоянія служащаго въ церкви сословія, словомъ должно быть разъяснено, какъ относилось государство къ церкви, съ какими требованіями и при посредствѣ какихъ органовъ. Если перечисленные общіе и подразумѣваемые частные предметы будутъ разсмотрѣны и изложены въ преемственномъ и послѣдовательномъ, словомъ историческомъ ходѣ развитія, то юристъ-слушатель будетъ знать все, что ему нужно для его будущей профессіи, и что составитъ совокупность содержанія Церковнаго права, какъ факультетской науки. Предполагаемая программа не представитъ ни малѣйшихъ затрудненій

къ ея дѣйствительному выполненію, благодаря той отличительной особенности русской исторіи, что въ ней, вслѣдствіе особой солидарности религіозной стихіи съ народною, церковной съ государственною и наоборотъ, ни одно какъ великое, такъ, можно сказать, и второстепенное, но имѣвшее двоякія послѣдствія, событіе, относилось ли оно къ церковной, или къ государственной сферѣ, одинаково было произведеніемъ одной и той же церковно-политической идеи, по силѣ которой церковь служитъ государству и для сего соображается съ его ростомъ и порядками, государство покровительствуетъ церкви и для сего принимаетъ мѣры къ устройству ея положенія. Выполненіе предполагаемой программы представитъ не только самый полезный, необходимый для слушателя, но вмѣстѣ самый роскошный и благодарный для преподавателя матеріалъ, о которомъ можно выразиться: жатва многа, но дѣлателей мало.

Обращая вниманіе Церковнаго права, какъ университетской науки юридическаго факультета, на означенный матеріалъ, мы этимъ хотимъ только обозначить, чѣмъ собственно должна быть названная наука, чтобы по праву занимать каѳедру и состоять въ поименованномъ факультетѣ, а вовсе не имѣемъ въ виду тѣмъ показать, что преподаваніе Церковнаго права, въ смыслѣ богословской науки, вовсе неумѣстно въ нашихъ университетахъ. Повторяемъ: все, что мы сказали, говоритъ только о неумѣстности нынѣшней постановки разсматриваемой науки, какъ юридической въ юридическомъ факультетѣ, ибо Церковное право по предмету, характеру и цѣли его изслѣдованій вовсе не составляетъ такой юридической науки, которую всѣмъ ея содержаніемъ позволительно втискивать въ составъ юридическаго факультета. Что̀ есть юридическаго въ этой наукѣ, то и должно быть выдѣлено для каѳедры юридической съ именемъ „Исторія русскаго церковно-гражданскаго законодательства“ или съ другимъ какимъ-либо названіямъ, все же прочее изъ ея содержанія, какъ напр. разсужденія о природѣ церкви и ея правахъ, объ устройствѣ и составѣ церковнаго общества, о взаимныхъ отношеніяхъ его членовъ, о власти церкви и каноническихъ органахъ

управленія послѣдней, о необходимыхъ принадлежностяхъ вѣры и церкви съ церковно-канонической точки зрѣнія и о дисциплинѣ церковной, — все это и подобное, должно составить содержаніе богословской науки Церковнаго права въ собственномъ смыслѣ сего слова. Чтеніе сей послѣдней науки въ университетѣ, обѣщая быть въ высшей степени полезнымъ для слушателей не только юридическаго, но и всѣхъ прочихъ факультетовъ, подобно богословію, и должно быть поставлено примѣнительно къ каѳедрѣ сего послѣдняго. Если наши университеты готовятъ высокообразованныхъ людей для всѣхъ отраслей знаній и поприщъ общественной службы, то совершеннымъ пробѣломъ въ образованіи поименованныхъ людей должно быть названо отсутствіе твердыхъ и обстоятельныхъ понятій о существѣ устройства, отношеній и порядковъ жизни церкви, къ которой мы принадлежимъ одною и притомъ высшею стороною нашей природы и въ которой духовно-нравственно воспитываемся. Исключеніе разсматриваемой науки изъ программы общаго образованія среднихъ духовныхъ и свѣтскихъ заведеній лишь усиливаетъ справедливость высказываемаго желанія и вполнѣ оправдываетъ всю его цѣлесообразность, въ виду того обстоятельства, что читаемое въ нашихъ университетахъ богословіе занимается и можетъ заниматься разъясненіемъ только догматическихъ истинъ и вѣрованій.

Вотъ все, что мы нашли нужнымъ сказать о преподаваніи Церковнаго права въ нашихъ университетахъ, и прибавимъ: сказать такъ, какъ понимаемъ и чувствуемъ, безъ всякой мысли быть руководителями въ рѣшеніи настоящаго вопроса и бросить въ кого либо упрекъ, а еще болѣе безъ намѣренія касаться умѣстности или неумѣстности предоставленія университетамъ преимущества раздавать ученыя степени по Церковному праву, какъ факультетской наукѣ.

Изложивъ наши мысли о постановкѣ Церковнаго права въ нашихъ университетахъ, мы тѣмъ самымъ достаточно высказались о желательномъ преподаваніи той же науки и въ другихъ свѣтскихъ

заведеніяхъ. Спеціальное назначеніе всѣхъ этихъ заведеній—служить юридическимъ цѣлямъ—обязываетъ и преподаваемую въ нихъ науку Церковнаго права строго сообразоваться съ этими цѣлями, примѣнительно притомъ къ существу и характеру пониманія этихъ цѣлей каждымъ заведеніемъ въ частности.

Въ заключеніе, во избѣжаніе недоразумѣній находимъ нужнымъ присовокупить, что какъ при юридической постановкѣ разсматриваемой науки въ юридическомъ факультетѣ должно быть дано надлежащее мѣсто обстоятельному, историческому разкрытію и изложенію воззрѣній и постановленій русскаго законодательства относительно положенія и устройства управленія признанныхъ въ имперіи другихъ вѣроисповѣданій, такъ при богословской въ свою очередь—сравнительному обозрѣнію управленія и устройства различныхъ христіанскихъ церквей.

Т. Барсовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки